

Е. П. Дерябина

ФЕТ В ПАНСИОНЕ КРЮММЕРА
(Из комментариев к книге воспоминаний
«Ранние годы моей жизни»)

Решение Аф. Н. Шеншина отправить четырнадцатилетнего Афанасия учиться в далекий лифляндский городок Верро, как можно предположить, было связано с попыткой оградить мальчика от нежелательных сплетен о его рождении.¹ Скорее всего, Фет отправился в Верро в начале 1835 года, так как свидетельство о его рождении, требовавшееся для поступления в учебное заведение, было выдано А. Н. Шеншину из Орловской духовной консистории 21 января 1835 года. В «Ранних годах моей жизни» отразилось то эмоциональное потрясение, которое испытал мальчик, оставшись один в чуждой ему прибалтийской среде: «...ссылаясь на приближающуюся весеннюю оттепель, отец, заказав почтовых лошадей, дал поцеловать мне свою руку, и я, мечтавший о свободе и самобытности, сразу почувствовал себя среди иноплеменных людей в зависимости, с которой прежняя, домашняя, не могла быть поставлена ни в какое сравнение».² Однако по прошествии многих лет, осмысливая нравственное влияние опыта пансионской жизни на становлении своей личности, Фет не скупился на самые похвальные оценки. Так, например, в очерках «Из деревни» Фет оценивал свое пребывание в пансионе следующим образом: «Пишущий эти строки имел счастье воспитываться (увы! не долее трех лет) в немецкой школе. <...> не могу

¹ С 1834 г. полицейским департаментом рассматривался денежный иск опекунов сестры поэта Лины Фет к А. Н. Шеншину. См. об этом: *Кузьмина И. А.* Материалы к биографии А. А. Фета // *РЛ*. 2003. № 1. С. 122–142.

² *РЛ*. С. 83.

без чувства искренней признательности переноситься мысленно в немецкую школу <...> Я чувствую всю меру добра, которого мне желали мои воспитатели, ту любовь к делу и к нам, детям, которая не позволяла им довольствоваться большею или меньшею степенью успехов, более или менее приличным поведением, а заставляла по поводу всякого поступка ученика обращаться к нравственной почве, на которой созрел поступок. Тут все сводилось на нравственную сторону человека».³

Лифляндский городок Верро, находящийся в 373 верстах от Петербурга, был основан на землях барона Менгдена по указу Екатерины II в 1784 году. По сравнению с шумным Дерптом, Верро отличался тихой провинциальностью, население в основном составляли прибалтийские немцы. По ревизии 1835 года в Верро проживало 1025 человек.⁴ Примерный национальный состав населения — 80% немцев, по 10% эстонцев и русских.⁵ Несмотря на провинциальность, в конце 1830-х годов в Верро находилось восемь учебных заведений, среди которых были немецкие и эстонские начальные школы, районная и воскресные школы, несколько частных пансионатов.⁶ В 1808–1811 годах в Верро учился В. Кюхельбекер (в частном пансионе Бринкмана).

В 1830–1840-е годы частный пансион Крюммера в Верро был одним из самых лучших и известных пансионатов Лифляндии.⁷ Его основателем и первым директором являлся Генрих Каспар Крюммер (Caspar Heinrich Krümmer; 1796–1873), человек, чьи личные моральные качества восхищали не только Фета, но и других мемуаристов: преподавателя пансионата Генриха Эйзеншмидта, воспитанника барона Н. А. Корфа (барон Корф находился на воспитании в пансионе спустя десятилетие после Фета, в 1844–1845 гг.). В записках «Из пережитого» Корф называет Крюммера «едва ли не лучшим педагогом из всех, с которыми судьба сводила <...> в детстве», свидетельствует о теплом, практически семейном отношении Крюммера к воспитанникам.⁸ Подробную харак-

³ *Фет. ССУП*. Т. 4. С. 245.

⁴ Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1853. Т. 7. Ч. 2: Лифляндская губерния. С. 313.

⁵ Так, согласно исповедальным росписям Верроского Екатерининского православного прихода, в 1835 году у исповеди и Святого Причастия в Святую Великую Четыредесятницу были 134 человека (см.: Исторический архив Эстонии (далее — ЕАА). 1997.1.81).

⁶ *Kreutzwald Friedrich Reinhold*. Maailm ja mõnda. Tallinn, 1953. С. 185.

⁷ Среди известных воспитанников пансионата, кроме Фета, можно назвать поэта Егора фон Сиверса, общественного деятеля и публициста Н. А. Корфа, скульптора А. Бока, врача П. Майделя.

⁸ Из пережитого: Записки Н. А. Корфа // Русская старина. 1884. Т. 41. № 3. С. 563.

Частный пансион Крюммера. Фотография с акварели Ф.-С. Штерна (1836)

теристичность личности Крюммера можно найти в воспоминаниях Г. Эйзеншмидта,⁹ который описывает его как исключительно талантливого руководителя, называя среди основных его качеств необычайную энергичность, силу характера, самообладание, разносторонний ум (известно, что Крюммер был автором нескольких учебников по арифметике, получивших распространение далеко за пределами Лифляндии). Мемуарист подчеркивает отцовское отношение Крюммера к воспитанникам, особенно к младшим, с которыми тот мог часами шутить (дверь в его комнату всегда была открыта для детей), а также вспоминает о его удивительном такте: Крюммер никогда не позволял себе обсуждать родителей учеников и их домашние дела.¹⁰

Некоторые подробности биографии Крюммера становятся ясны из его личного дела,¹¹ в котором хранятся следующие документы: паспорт,

⁹ *Eisenschmidt Heinrich*. Erinnerungen aus des Krümmerschen Anstalt und aus des Verfassers eigner Schulzeit. Dorpat, 1860. С. 13–18.

¹⁰ *Ibid*. Подтверждение подобной деликатности находим в воспоминаниях Фета: поэт указывает на то, что Крюммер, несмотря на смену мальчиком фамилии, всегда называл его Шеншиным, чтобы не производить среди учеников смущения и не возбуждать лишних вопросов (*РГ*. С. 95).

¹¹ ЕАА. Фонд попечителя Дерптского учебного округа. 384.1.3835.

выданный Крюммеру по указу императора Александра I для свободного проезда внутри государства, и несколько писем, относящихся к 1826 году. Крюммер родился в Вестфалии в 1796 году. Вступив в евангелическое общество Моравских братьев, он получил образование в воспитательном институте общества (1803–1810) в Эберсдорфе. Затем некоторое время проработал в этом учебном заведении педагогом, позже учительствовал в Силезии. С весны 1825 года Крюммер по делам общества Моравских братьев прибыл в Эстляндию, первое время после приезда занимал должность надзирателя в обществе. В 1820 году в Дерпте была учреждена семинария для учителей начальных училищ, которая более 5 лет не открывалась, так как должность смотрителя и главного учителя долгое время оставалась вакантной. Училищная комиссия Дерптского университета ходатайствовала в марте 1826 года перед министром народного просвещения А. С. Шишковым о том, чтобы в эту должность вступил Крюммер (письмо комиссии с ходатайством в Министерство народного просвещения хранится в личном деле Крюммера¹²). Известно, что Крюммер очень долго ожидал решения о назначении его на должность смотрителя семинарии, но в конечном итоге император Николай I отказал ему с формулировкой: «людей, принадлежащих к сектам, не прилично помещать в заведения».¹³ Тогда Крюммер открыл частный пансион в Эхмья (1828–1831), а затем в Верро (1832–1849). Умер Крюммер в 1873 году в Верро.

В конце 1830-х годов в пансионе находилось около семидесяти учеников, помимо директора работали шесть учителей в области наук и древних языков, по два учителя русского и французского языков, два учителя музыки и один учитель рисования.¹⁴ Среди педагогов можно назвать Йохана Текстера, Эрнста Генге, Рудольфа Мортимера, Эдуарда Койха, Фердинанда Шеффнера, Юлиуса Руиха, Винсента Перковского, Ивана Митавского.¹⁵

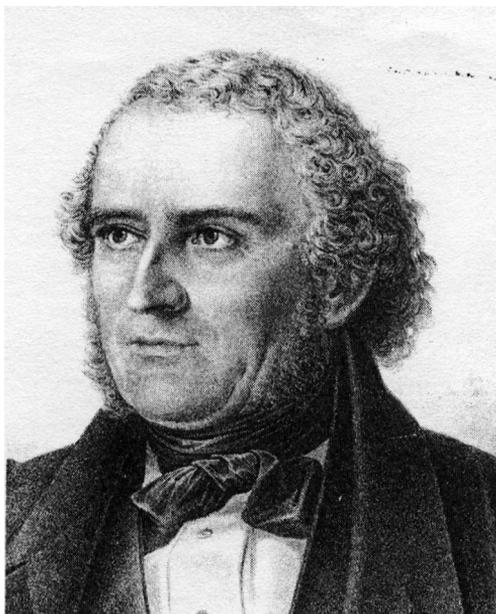
Наиболее полно повседневная жизнь пансиона нашла отражение в воспоминаниях одного из самых ярких его учителей — Генриха Эйзеншмидта (1810–1864). Название книги дословно можно перевести с немецкого как «Воспоминания об учреждении Крюммера из собст-

¹² ЕАА. Фонд попечителя Дерптского учебного округа. 384.1.3835. Л. 9–12.

¹³ Там же. Л. 17.

¹⁴ *Kreutzwald Friedrich Reinhold*. Maailm ja mõnda. С. 185–186.

¹⁵ Все педагоги пансиона названы в Деле, содержащем годовые отчеты о состоянии школ Дерптского директората (ЕАА. Tartu Keiserliku Ülikooli koolikomisjon (фонд Императорской школы Тартуского университета). 403.2.90. С. 93).

Г. Крюммер. Литография Ф. Шлатера. Дерпт

венного учебного времени автора».¹⁶ Г. П. Блок в «Рождении поэта» акцентировал внимание будущих биографов на этом источнике, назвав его «в высшей степени содержательным», и сетовал, что он до сих пор не вошел в обиход фетоведения. Известно, что Эйзеншмидт закончил Веймарскую гимназию, затем учился в Йенском университете, из которого выпустился кандидатом богословия. По приглашению Крюммера, в 25-летнем возрасте, то есть в 1835 году, Эйзеншмидт приехал в Лифляндию, начав преподавательскую деятельность в пансионе, где учил истории, латыни и другим дисциплинам вплоть до 1844 года. Фет в «Ранних годах...» называет его одним из учнейших преподавателей заведения.¹⁷ После завершения своей деятельности в пансионе Эйзеншмидт в течение девяти лет руководил Пярнуской женской школой (1844–1853), а затем являлся инспектором Тартуской семинарии, выпускавшей учителей начальных классов.

Книга воспоминаний Эйзеншмидта содержит шестнадцать глав, посвященных разнообразным аспектам жизни пансиона: это главы «Как я

¹⁶ *Eisenschmidt H.* Erinnerungen aus der Krümmerschen Anstalt aus des Verfassers eigner Schulzeit. Dorpat, 1860.

¹⁷ *РГ.* С. 82.

Рудольф Мортимер. Литография

прибыл в Верро», «Крюммер», «Учителя», «Дом и его окрестности», «Внутренняя жизнь учреждения», «Один день дежурства», «Педагогический опыт», «Моя преподавательская деятельность», «День рождения Крюммера», «Игры и развлечения», «Поездка на Мунямяги», «Дух учреждения», «Педагогические предложения» и др. Два эпизода воспоминаний Эйзеншмидта представляют особый интерес для фетоведения. В девятой главе Эйзеншмидт пишет о Фете: «...с удовольствием я вспоминаю также уроки немецкого во втором классе, потому уже, что я, тогда еще не зная об этом, учил в нем двух будущих поэтов: немецкого поэта Егора ф<он> *Сиверса*¹⁸ и русского поэта *Фета*, который носил, однако, другое имя в учреждении».¹⁹ Мемуарист описывает характер Фета, поразивший его: «Все же я не могу упустить возможности <...> рассказать кое-что об этой интересной личности, тем более что его

¹⁸ Сиверс Егор Петрович (1823–1879) — остзейский поэт, правнук адмирала петровских времен Петра Сиверса. Первый сборник его стихотворений вышел в 1846 г. («Balladen und Lieder»), затем появилось еще несколько сборников и критических статей. О Сиверсе см.: Album Dorpati Livonorum. 1841. С. 104–105.

¹⁹ *Eisenschmidt H.* Erinnerungen aus der Krümmerschen Anstalt aus des Verfassers eigener Schulzeit. S. 47–48.

Центральные двери пансиона Крюммера
(Вырусский краеведческий музей). Современная фотография

школьные товарищи несомненно вспомнят о нем с удовольствием. Он был единственным русским в классе и представлял свою национальность на фоне немецкого окружения с таким же умом, как и энергией. При этом немалое восхищение вызывали его способности в механике. Я находился с ним в очень доверительных отношениях, и однажды он похвастался мне, что если бы вдруг стал очень беден, то мог бы зарабатывать на хлеб пятью профессиями. И это не было преувеличением, так как он доказал это. Например, он чинил часы, причем не имея в своем распоряжении никаких других инструментов, кроме штопальной иглы и испорченного рейсфедера в качестве щипчиков <...>. Самым удивительным, однако, было совместное дело, которое он открыл вместе с другим учеником, также имевшим большую склонность к механике. За печью третьей комнаты они соорудили токарный станок, который, будучи при этом врезан в стену, нужно было тщательно скрывать от Крюммера. Ремешок от коньков и сломанный перочинный нож играли

при этом главную роль. И тем не менее я видел, как с этого станка выходят вполне приличные шахматы».²⁰

Еще один бытовой эпизод воспоминаний Эйзеншмидта хотя и не связан напрямую с Фетом, но проецируется на образный мир одного из стихотворений поэта. Указывая на любимые забавы воспитанников, Эйзеншмидт пишет об охоте на крыс. «Дом кишел крысами; так как корки хлеба и обрезки колбасы лежали во всех углах, дом был настоящим раем для крыс, и имелся угол на лестнице, где в любое время находились крысы. Часто крысы внезапно мешали самому тихому рабочему часу, когда пробирались в комнату. Тогда дверь тщательно закрывалась до окончания урока, после чего с большим ликованием начиналась охота, причем в ней нас обычно поддерживали две маленькие собаки, злейшие враги крыс. <...> В темной каморке рядом с классной комнатой стояло неисправное пианино с несколькими еще звучащими струнами. Оно служило некоторым жителям первой комнаты местом хранения еды и привлекало вследствие этого крыс. Однако едва жадная крыса посещала остатки еды в пианино, как звенела струна, что слишком уж хорошо было слышно при тишине во время рабочих часов. Тогда сразу домашний халат клался перед дверью, чтобы закрыть отход для крысы, и как только наступало время, начиналась парфорсная охота. Что за возня начиналась, когда двадцать молодых людей в комнате небольшого размера устраивали подобную охоту, можно себе хорошо представить. <...> Некоторые получали в поднятой пыли удар от лучшего друга, предназначавшийся крысе! но дикая неразбериха доставляла как раз основное удовольствие».²¹

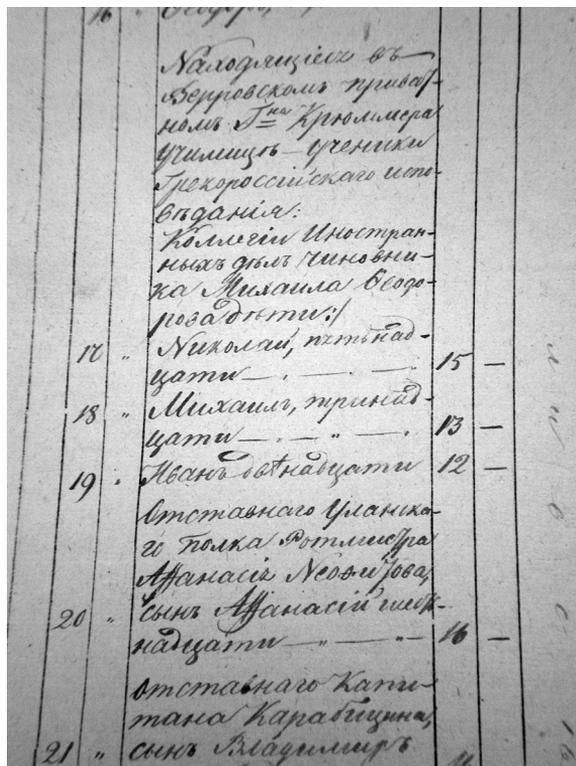
В связи с этим эпизодом сразу вспоминается образная картина из концовки стихотворения Фета «Непогода — осень — куришь...», кажущаяся фантастической:

Но болезненно-тревожна
Принужденная дремота.
Точно в комнате соседней
Учат азбуке кого-то,
Или, кто их знает? где-то,
В кабинете или в зале,
С писком, визгом пляшут крысы
В худо запертом рояле.²²

²⁰ *Eisenschmidt H.* Erinnerungen aus der Krümmerschen Anstalt... S. 48.

²¹ *Ibid.* S. 53–54.

²² *Фет. ССUII.* Т. 1. С. 146.

Исповедальные росписи за 1835 г.
Верровский Екатерининский православный приход
(Эстонский исторический архив)

Благодаря эпизоду из воспоминаний Эйзеншмидта становится понятно, что в стихотворении отразились не только литературные реминисценции из Гофмана, прочитанного Фетом в детстве (на что справедливо указывает В. А. Кошелев²³), но и любимая забава в пансионе.

Одной из насущных проблем русских воспитанников пансиона было неизбежное их «онемечивание» за годы учебы. Так, Н. А. Корф в воспоминаниях указал, что после года пребывания в пансионе родители забрали его из Лифляндии именно по этой причине: «...если бы пребывание мое в Верро продолжилось дольше, то я, по всей вероятности, вполне бы онемечился <...>».²⁴ Этому способствовали и городская среда,

²³ Кошелев В. А. Афанасий Фет: Преодоление мифов. Курск, 2006. С. 132.

²⁴ Из пережитого: Записки Н. А. Корфа // Русская старина. 1884. Т. 41. № 3. С. 566.

Сборник арифметических примеров,
составленный Г. Крюммером для пансиона (Дерпт, 1836).
Обложка (Эстонский литературный музей, Тарту)

и невозможность найти хорошего преподавателя русского языка для пансиона. Фет в «Ранних годах...» вспоминал о том, что преподаватель русского языка Текстер лишь заставлял «из году в год учеников долбить Греча»,²⁵ и поэтому мальчик предпочитал общаться по-немецки даже тогда, когда говорить по-русски было необходимо. Вследствие этого выпускники пансиона плохо говорили по-русски и часто из-за этого проваливались на экзаменах в Дерптский университет. Как свидетельствует Эйзеншмидт, найти для преподавания в пансионе человека, который владел бы в совершенстве русским языком и имел педагогические навыки, было практически невозможно. Эта проблема была характерна в целом для Лифляндии: о бедственном положении с русским языком в лифляндских школах писал в своих записках и Николай Ива-

²⁵ *РГ.* С. 103.

нович Пирогов: «...когда я был профессором в Дерпте, ко мне не раз являлись за пособием бедствующие русские учителя, без сапог и без задних ног. Причина этого нерадостного явления была та, что университетское начальство высылало в прибалтийские провинции поскребки. Кто из казеннокоштных плохо учился, кутил или пил горькую, и только из сострадания помилован, кое-как окончив курс, — тот посылался учителем в Эстляндию или Лифляндию; а тут незнакомый ни с языком, ни с обычаями, не принятый нигде в обществе сверстников, подвергаемый насмешкам и злым шуткам от мальчиков-учеников, выдавших его не раз пьяным, злосчастный педагог окончательно спивался и бедствовал. Кроме позору русскому имени, русские учителя того времени ничего не вносили в край, и русская грамота оставалась в немецких и остезейских школах девственницею».²⁶

Возможно, останься Фет в пансионе на более длительное время, его судьба сложилась бы совершенно иначе. Пребывание Фета в пансионе в 1835–1836 годах документально зафиксировано в сохранившихся исповедальных росписях Верроского православного прихода: «отставного уланского полка ротмистра Афанасия Неофитова, сын Афанасий» присутствовал на исповеди и Святом Причастии в Святую Великую Четырдесятиницу.²⁷ К сожалению, росписи за 1837 год не сохранились, но скорее всего Фет находился в Верро вплоть до конца 1837 года, так как в начале февраля 1838 года он уже поступил в пансион Погодина.

²⁶ Посмертные записки Николая Ивановича Пирогова // Русская старина. 1885. Т. 45. № 2. С. 308.

²⁷ ЕАА. 1997.1.81.